

ШОРИНА Татьяна Геннадиевна,
ассистент кафедры философии ГМИ НАУ

БАЛ ПОШЛОСТИ В СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА ПРОЗАИЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ: А.П. ЧЕХОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Прогресс в человеческой истории связывают не столько с интенсивностью производства материального богатства, сколько, в сущности, с развитием субъективности самого человека. Потому, когда мера развития истории и человека совпадают, наступают времена, как в период Реформации в Западной Европе, которые, по известному выражению немецкого классика, нуждаются в титанах и которые порождают титанов «по силе мысли, страсти, и характеру, по многосторонности и учености». Это времена цельных личностей и сильных характеров, живущих общественно полно и предметно насыщенно.

Историческая необходимость как объективная детерминация развития не реализуется сама собой, но лишь через практическую реализацию ее возможностей исторической личностью. Тогда и приоткрывается простор для выражения свободной самодеятельности человека. Однако прогресс обращается в свою противоположность, регресс, как только форма отношений, застывая, консервирует общее развитие. В новейшей реальности постмодерна утвердилась новая деформация человеческой самодеятельности – когда «субъектом истории» совершается «свобода от» исторической детерминации. Т.е. не просто выхолщивается энергия продуктивной активности, но одновременно происходит трансформация и извращение ее.

Наступает время кризисного безвременья, связанное с потерей оснований развития, когда человек обречен пребывать в плену субъективированных фантомов: с одной стороны, безосновательного оптимистичного волонтаризма, с другой – все омертвляющего волю, стремления, идеалы фатализма и пессимизма. В этом пространстве причудливым образом переходят друг в друга, как крайности, неразумные чувства и бесчувственный разум, что и показал западноевропейский опыт конца XIX и всего XX столетия. Активность индетерминированной внеисторической субъективности на уровне самосознания и умонастроения, и самой социально-политической реальности вращалась в пределах дихотомии нигилизма, цинизма, экстремизма, различных форм авторитаризма, и обратных им порывистого романтизма, сентиментализма, натурализма, мистицизма и суеверия. Онтологично укорененным принципом современной эпохи –

эпохи утратившей идеалы, ценности, веру и страсть – оказывается цинизм и экзистенциальная редукция. Это время не в состоянии породить классических титанов, у нее свои «герои» – «титаны» измерения «сцен частной жизни», «бульварных хроник», мутной тины «мелочей».

И если верно наблюдение Слотердайка, критика «циничного разума», что нынешняя система «ощущает себя чем-то средним между тюрьмой и хаосом», то оправданно предположить, что ее типичный «герой» является кем-то «средним» между преступником и душевнобольным. Сам Слотердаjk, давая психологическую оценку нынешнему цинику, называет его «умным меланхоликом». Ибо, современный цинизм – это «просвещенное» ложное сознание». Бегство в цинизм от идеалов Разума и Просвещения является для социального «субъекта» спасительным прибежищем или «искусством адаптации», словами Е. Ермолина. Если историческое мышление более не верит и не признает смысл всемирной истории. Если более не желает видеть вещи, какими они «должны быть», а видит их лишь такими, каковы они есть, и в такой «премудрости» остается апатичным, а в жизни безучастным, безвольным и неуязвимым, то цинизм и является единственной формой его существования. Не испытывая иллюзий о совершаемом человечеством коллективном самоубийстве, наученный горьким опытом фактов истории – разум «уходит» в ложность, чтобы «хоть как-то перебиться» (Слотердаjk), ведь он продолжает жить в истории, пусть и не оглядываясь, и как бы вопреки ей.

С каких же позиций возможна критика «циничного разума», с каких позиций ведет ее сам Слотердаjk, и какова у него «точка обзора»? Философ сам повторяет, что для беспристрастного и отстраненного всестороннего описания «нет никакого центра», что критика «переживает печальные дни». Он обращается к опыту «обновленной критики познания», Критической теории, принимающий в расчет эмоциональное априори, позицию микрологии: обостренная восприимчивость обеспечит утопией счастья и уберезет от огрубения из-за его (счастья) несбывания. Отбрасывая «идеализмы», как ложные сути, учащие жить так, как в них говорится, Слотердаjk считает необходимым поступать как дерзкие (отважные) и сатиричные античные киники в области познания – «говорить так, как живут, и о том, что составляет жизнь», поскольку лишь так можно преодолеть шизофреническую разорванность «носителей духа».

Феноменологически сходной по своему мироощущению «беспорядка и распада» с нынешней эпохой было переживание иного времени – 80-х годов XIX ст. Оно характеризовалось современниками как время полного общественного затишья, трагического кризиса

демократически-освободительных идей. Временем, когда казалось, что сама жизнь уходит вовнутрь, но не для самоусовершенствования, а чтобы переполниться внутренними болями (М. Е. Салтыков-Щедрин). Так же, как сегодня, история утратившая «действительный центр тяжести жизни», выносила на поверхность наносной «хлам», фальшивые меры, авантюризм, бесплодный труд и болтовню, одиночество и страх – смуту. Искусство по-своему отразило это время художественными средствами. Отпечаток горечи и скорби, иронии и сарказма, сострадания и презрения носят произведения великих писателей того времени, среди которых и А.П. Чехов, начинающий в 80-е годы творческий путь. Описывать мелочи, не поглощаясь ими, означает занять определенную идейную и моральную позицию, идеально-ценностно выводящую за пределы обыденной повседневности. И, наоборот, раствориться в мелочах и считать их обыденным и естественным состоянием и более того, возводить свое посредственное самодовольство в моральный принцип низвергая идеалы и высокие устремления – означает превратиться в ничтожество и стать пошлым.

Чехов и показывает в своих произведениях мир маленьких людей в их обычных социальных условиях, которые утратили духовные измерения – перестали уважать свое человеческое достоинство, без сопротивления подчиняются грубой силе, живут как рабы, ни во что не верят, кроме «необходимости каждый день хлебать возможно более жирные щи, и ничего не чувствуют, кроме страха, как бы кто-нибудь сильный и наглый не побил бы их» (М. Горький). Это жадные, ленивые, праздные, с пресмыкательской психологией люди, живущие позорно и «скверно». – Таково свидетельство и моральная оценка Чехова, человека, своей жизнью и творчеством, отстаивающим идеалы красоты, истины и блага, верящего в будущее счастье человечества, в то, что сила и спасение народа в его интеллигенции, в той, которая «честно мыслит, чувствует и умеет работать» (А.П. Чехов).